

шей веры...» [6, с. 197]. «Благая Весть стала поистине благой и новой. Олимп неподвижным облаком стоял в небе, мудрость восседала на престоле, когда Христос родился в пещере, а христианство – в катакомбах. Они прятались под землёй – вот он снова, странный и мятежный дух: нашу веру и презирают, и боятся. Пещера – только нора, в которую может забиться всякий сброд; но в ней – сокровище, которое не могут отыскать тираны. Святое семейство укрылось здесь...» [6, с. 206].

Интересны соображения Честертон об историческом Востоке: «Азия – это человечество в своей, человеческой судьбе. Величиной своей, множественностью народов, высотой былых побед и глубиной тёмных раздумий она очень похожа на то, о чём мы думаем, когда говорим "весь мир". Она скорее космос, чем континент» [6, с. 242], но «Азия кишит не только богами, но и бесами» [6, с. 244], как и «безымянные чудища кишат в сердце Африки», а «люди блуждают в зарослях своих мифологий, тонут в море своих философий» [6, с. 242]. Христианский же мир, согласно Честертону, для которого

«Ислам – продукт христианства» [6, с. 244], «чем-то обязанный... одинокому и неповторимому духу Израиля» [6, с. 240], это – отнюдь не современная ему Европа и даже не просто исторический Запад; но, напротив, последние обретают некоторый небывалый в истории человечества смысл по мере мучительного культурного пробуждения в Логосе – «в ослепительном свете вечной молнии» [6, с. 264].

В бахтинском «большом времени» человеческой истории мысленно мы возвращаемся сегодня не только к упущенному антропоцентрическому Возрождению и к космоцентрической символической архаике Востока – впервые столь явно становятся вытесненными те неопределимые сoterиологические преимущества, принесённые на землю христианством и определённые И. А. Ильиным во след А. С. Пушкину как тотальная реновация, а именно – «духовный и политический переворот всей планеты», в «священной стихии» которого «исчез и обновился древний мир» [7, с. 297].

Библиографический список

1. Булгаков С. Н. Догматическое обоснование культуры (речь о С. Булгакова на съезде Лиги православной культуры 17 – 19 мая 1930 г.) // Булгаков С. Н. Соч.: В 2 т. Т. 2: Избр. статьи. М.: «Наука», 1993. С. 637-643.
2. Керн, Архимандрит Киприан. Антропология святителя Григория Паламы. Paris: YMCA-PRESS, 1950.
3. Ницше Ф. Человеческое, слишком человеческое // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: «Мысль», 1990. С. 231-490.
4. Океанский В. П., Океанская Ж. Л. Расширенное неопифагорейство: его архаические истоки, символические формы и антропологические опасности (пролегомены к теме «Россия и судьба человечества») // Ноосферные исследования. 2021. Вып. 1. С. 80-87.
5. Булгаков С. Н. Свет не вечерний: созерцания и умозрения // Булгаков С. Н. Первообраз и образ: соч. в 2 т. Т. 1: Свет не вечерний. СПб.: ООО «ИНАПРЕСС»; М.: «Искусство», 1999. 416 с.
6. Честертон Г. К. Вечный Человек. М.: Политиздат, 1991. 542 с.
7. Ильин И. А. Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948 – 1954 годов. В 2-х т. Т. 1. М.: МП «Рарог», 1992. 616 с.

УДК 52(91)
ББК 22.6г

ПОДОБНЫЙ ЛУЧУ: «ТЕОРИЯ О ЛУЧИСТОМ ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ» К. Э. ЦИОЛКОВСКОГО

Фурсов А. П.

В одном старинном китайском трактате сказано: «Не выходя со двора, можно познать мир. Не выглядывая из окна, можно видеть естественное дао» [1]. Из русских мыслителей Циолковский, как никто другой, отвечает этой формуле. Волею Обстоятельств, которая, как выясняется, и есть Божественная Необходимость, отделенный от мира и смиренно принявший это отделение (Константин Эдуардович в 10 лет после перенесенной скарлатины почти полностью потерял слух), он проникает духовным взором в такие дальние дали, о существовании которых и помыслить страшно.

Ключевые слова: Циолковский, учитель, Воля вселенной, Обстоятельство, Необходимость, Защита, Лучистое человечество.

LIKE A BEAM: «THEORY OF RADIANT HUMANITY» BY K. E. TSIOLKOVSKY

Fursov A. P.

An old Chinese treatise says: «Without leaving the yard, you can learn about the world. Without looking out of the window, one can see the natural Tao» [1]. Of the Russian thinkers, Tsiolkovsky, like no other, answers this formula. By the will of the Circumstances, which, as it turns out, is Divine Necessity, separated from the world and humbly accepting this separation (Konstantin Eduardovich almost completely lost his hearing at the age of 10 after suffering scarlet fever), he penetrates with his spiritual gaze into such distant distances, the existence of which is scary to even think about.

Keywords: Tsiolkovsky, teacher, Will of the universe, Circumstance, Necessity, Protection, Radiant humanity.

Почти половину своей жизни Циолковский им воздушный шар из бумаги и бумажный же ястреб, который был настолько правдоподобен, что «большие белые птицы подлетали на некоторое расстояние к игрушке, а затем, разочаровавшись, поворачивались и улетали».

«Мой учительский стаж составил 40 лет. В течение их через мои руки прошло полторы тысячи учениц, кончивших среднюю школу, и около 500 мальчиков, кончивших высшую начальную», – пишет он в своей автобиографии. В 1880–1892 годах Циолковский преподавал арифметику и геометрию в Боровском уездном училище. А после переезда в Калугу вёл математику в казенном реальном училище и физику в женском епархиальном. По словам Циолковского, учительство ему нравилось, несмотря на глухоту: «Большую часть времени мы отдавали решению задач. Это лучше возбуждало мозги и самостоятельность и не так было для детей скучно».

Как же полуглухой учитель следил за порядком в классе? Детям были интересны уроки, на которых доказывалось множество различных опытов, и они забывали на урочное время о себе как о проказниках и шалунах. «По глухоте» Циолковский больше объяснял, чем опрашивал, и спрашивал стоя. Плохих отметок почти не ставил, потому что «заметил, что дурные баллы уменьшают силы учащихся и вредны во всех отношениях».

Круг знакомых у Циолковского был узок, но и в этом кругу было больше людей, не чувствующих его, не сочувствующих ему, а ему удивляющихся. «Главное угощение для моих немногих знакомых состояло в электрическом представлении. Уходили довольные, как после хорошего обеда».

Как жили в конце XIX и начале XX века русские уездные и губернские города? Обстановка, в них царящая, думаю, со всей полнотой показана в романе Федора Сологуба «Мелкий бес». Обстановка эта была – скука. Учителя Передонова она погубила. Учитель Циолковский сумел выйти победителем из поединка с нею. Он *взрывал обыденность, раскрашивал серую повседневность во все цвета радуги*: «всегда я что-нибудь затевал».

В Боровске сделал сани с колесом, а когда опыт с сей машиной не удался, «заменял это сооружение особым парусным креслом». Большой забавой для учеников Циолковского были сделанные

им воздушный шар из бумаги и бумажный же ястреб, который был настолько правдоподобен, что «большие белые птицы подлетали на некоторое расстояние к игрушке, а затем, разочаровавшись, поворачивались и улетали».

В доме у Циолковского (и в Боровске, и в Калуге) «сверкали электрические молнии, гремели громы, звонили колокольчики, плясали бумажные куколки, пробивались молнией дыры, загорались огни, вертелись колеса, блистали иллюминации. Толпа одновременно поражалась громовым ударам». Циолковский предлагал желающим «попробовать невидимого варенья. Соблазненные получили электрический удар. Любовались и дивились на электрического осьминога, который хватал всякого своими ногами за нос или за пальцы».

Замечу, что в своих дневниковых записях Циолковский говорит о своей глухоте – о «калечестве» спокойно, как о чём-то неотрывном от него, как об обстоятельстве, которое нельзя обойти, которое действительно есть *Не-обходимость*. Не внутреннее ли переживание своего «калечества» выросло в 20-х годах в те идеи, которые вошли в работу Циолковского «Воля Вселенной» – одну из работ, где Циолковский выступает как мыслитель космического и независимо от себя христианского миропонимания.

Работа издана автором в Калуге в 1928 г. за свой счёт. В ней Циолковский говорит о существовании условной, то бишь человеческой воли и воли абсолютной, то есть Божественной (впрочем, Константин Эдуардович не употребляет такого определения, говоря о воле абсолютной именно как о воле Вселенной). Условной волей он называет «воплощение наших мыслей и желаний в жизнь». Например, хочет человек построить дом и строит, хочет изобрести какую-то машину и изобретает и т.д. Но ни одно существо, по Циолковскому, не может проявить абсолютной воли: «Самое разумное существо исполняет только волю Вселенной. Она дала ему разум и ограниченную волю. Ограниченную потому, что воля, зависящая от разума, не мо-

жет быть единственным источником поступков: *растущее обстоятельство есть растущая защита от него*. Всегда может вмешаться громада Вселенной, указать, нарушить и не исполнить волю одного разума. Если нам и удастся исполнить свою волю, то только потому, что нам *позволила Вселенная* [2].

По воле Вселенной Циолковский потерял слух, но он не воспротивился этому Обстоятельству, принял его как *Не-обходимость*, то есть исполнил Волю Вселенной и Вселенная приоткрыла ему свои тайны. Значит, приятие обстоятельства как необходимости ведёт к раскрытию какой-то Тайны, ведёт к тайному, неизвестному, никому прежде не открывавшемуся.

В связи с феноменом Циолковского я и хочу порассуждать: а кто же, собственно, такие Обстоятельство и *Не-обходимость*.

Мною Обстоятельство понимается как Защита. Ведь обстоятельство, исходя уже из самого строения слова, есть то, что *Об-стоит*, то есть защищает, как, например, в орехе скорлупа защищает развивающийся плод, иначе – внешнее защищает внутреннее.

Внешний, видимый человек не является ли только защитой развивающегося в нём внутреннего, невидимого человека? Человек по отношению к себе сам является *обстоятельством* и (об этом ниже) *необходимостью*.

Человек не может обойти сам себя. Для него невозможно преодолеть такие обстоятельства, как процессы дыхания, еды, питья и т.д., ибо если я вдруг перестану есть, пить, дышать, я просто-напросто погибну. Значит – названные мною обстоятельства выполняют прежде всего защитную функцию. Они обстоит меня, иначе – защищают меня от гибели.

Но разве только они? Всякое обстоятельство несет по отношению ко мне защитную функцию. Допустим, человек ставит перед собой цель и начинает добиваться этой цели. Но ни с первой, ни со второй, ни с третьей попытки у него ничего не получается. Что-то противится достижению им цели. То одно, то другое обстоятельство встают на его пути. А он возмущается этими обстоятельствами, всячески стремится их обойти, торопится, становится нервным, раздражительным и, в конце концов, попадает в беду. И цель, к которой он стремится, не только не приближается, но удаляется от него.

Если обстоятельство есть защита, то тогда оно есть и *предостережение*. Когда мне не грозила опасность, то тогда и защиты не было – не было обстоятельства. Но как только возникла угроза по отношению ко мне, возникло и обстоятельство – защита.

Значит, всякое обстоятельство говорит о приближающейся, грозящей мне опасности. Растёт опасность – растёт и обстоятельство. Выходит, что

Если у человека на его пути к цели возникают обстоятельства, то он, стремясь их обойти, неизбежно попадает в ситуацию: «Мне плохо, мне больно», которая по сути и есть его защита, его броня. Быть в «плохо», в «больно» – значит быть в том магическом кругу, в который заключил себя гоголевский Хома Брут, спасаясь от злых сил.

Но что еще есть обстоятельство? Это *Не-свобода*. Тогда, если обстоятельство суть защита, тогда и *Не-свобода* защита суть. И тогда тот, кто стремится к свободе, теряет защиту и постоянно подвергает себя опасности.

Не есть ли цивилизация как стремление освободиться от обстоятельств (или, по крайней мере, уменьшить их число), то есть от того, что вроде бы сковывает человечество в его развитии, механизмом для обнажения человечества, открытия его для удара, механизмом, который всё больше делает человечество беззащитным.

Не есть ли развитие цивилизации постепенной потерей защиты, всёувеличивающейся возможностью подпадения человечества под власть злых сил, о которой сказано в «Апокалипсисе» как о приходе Антихриста?

В том же старинном китайском трактате сказано: «Чем дальше идёшь, тем меньше познаёшь. Поэтому совершенно мудрый не ходит, но познаёт всё. Не видя вещей, он проникает в их сущность». К какому же выводу привёл этот логический ряд? Космос не вне человека, а в человеке. А в звездное небо всё уходят и уходят корабли. Не уносят ли они человека от самого себя?

Как уже выяснено, обстоятельство и необходимость – слова одного духовного порядка. Такие я называю духовными синонимами. Еще некоторые размышления о сущности *Не-обходимости*. Является ли *Не-обходимость* Мир? Да. Мир не обойти. Без Мира не обойтись. Ибо человек есть только потому, что есть Мир.

Является ли *Не-обходимость* «Я»? Да разве я могу обойти себя, обойтись без себя? «Я» есть то, что невозможно обойти. «Я» – стена, которая закрыла всё.

В этом Мире я не обойдусь без Мира. Если что-то можно обойти, то это – не обойти. Без Мира я не обойдусь, не обойду-ся. Превратим возвратную частицу в местоимение. Как теперь прозвучит предложение? Без Мира я не обойду себя. Значит, Мир нужен для того, чтобы мне обойти себя. Значит, «Я» нужно для того, чтобы обойти это «Я».

Живя, я не могу не жить. Само живётся. Даже если я не хочу жить, я не могу не жить. (О самоубийстве как о самовольном прекращении жизни я не говорю – это отдельная проблема). Живя, я не могу обойти жизнь. Жизнь дана как *Не-обходимость*. Без жизни мне не обойтись, или не

обойти себя. Значит, жизнь дана как *Не-*обходимость именно для обхождения себя, для того, чтобы зайти за-себя. Жизнь, оказывается, есть *Об-*хождение себя, оставление себя *по-*зади.

Надо ли лететь в космос, надо ли развивать космонавтику или нет? Наверное, надо. Но на каком-то этапе, пока человечество не поймёт, что истинная космонавтика – это прежде всего *космонавтика Духа*. Циолковский в разговоре со своим учеником А.Л.Чижевским, в будущем выдающимся учёным и мучеником духа, говорил: «Многие думают, что я хлопочу о ракете и беспокоюсь о её судьбе из-за самой ракеты. Это было бы глубочайшей ошибкой. Ракеты для меня только способ, только метод проникновения в глубину космоса, но отнюдь не самоцель. Не доросшие до такого понимания вещей люди говорят о том, чего не существует, что делает меня каким-то однобоким техником, а не мыслителем».

Вот кем был прежде всего Циолковский – Мыслителем, космонавтом, который проникал в глубины Мироздания на корабле, какой он, приняв свою судьбу, какой трудной она ни была, построил в себе – *на корабле собственного Духа*.

После разговора с Циолковским Чижевский сделал в своём дневнике такую запись: «К.Э.Ц. Теория космических эр. Стадийность. Энтропия атома. *Лучистое человечество*». Вкратце теория космических эр, которая есть духовное завещание Циолковского, такова: космическое бытие человечества, как и всё в космосе, сможет быть подразделено на четыре эры: эра рождения, эра становления, эра расцвета, эра терминальная. По Циолковскому, во время этой эры человечество полностью ответит на вопрос: зачем? – и сочтёт за благо включить в действие второй закон термодинамики в атоме, то

есть из корпускулярного вещества превратится в лучевое. А по прошествии миллиардов лет «опять из лучей возникнет материя высшего класса и появится, наконец, сверхновый человек, который разумом будет настолько выше нас, насколько мы выше одноклеточного организма. Он уже не будет спрашивать: почему? зачем? Он это будет знать и, исходя из своего знания, будет строить себе мир по тому образцу, который сочтёт более совершенным. А когда разум узнает всё, само существование отдельных индивидов и материального и корпускулярного мира он сочтёт ненужным и перейдет в лучевое состояние высокого порядка, которое всё будет знать и ничего не желать, то есть состояние сознания. Космос превратится в великое совершенство».

Циолковский никогда не называл себя христианским мыслителем, но это его откровение, если глубоко вдуматься в идею «лучистого человечества», по сути является христианским. Так, в виде «теории о лучистом человечестве» было дано Константину Эдуардовичу увидеть «новое небо и новую землю», о которых говорится в «Откровении Иоанна Богослова».

...Светает. Между шторами проник первый луч. Сейчас я встану и раздвину шторы, и целый сноп лучей ворвется в комнату, и как-то по-новому, празднично заживёт она в солнечных лучах. Но по-особому я отношусь к *первому лучу*, как к Вестнику Света. Не был ли Спаситель первым представителем «лучистого человечества»? Как Он преобразился на горе Фавор перед Петром, Иаковом и Иоанном: «и просияло лицо Его как солнце, одежды же Его сделались белыми, как снег». (*Мф. 17:2*)

Лучу подобен стал.

И всякий, стремящийся к сути Мироздания, Богоздания, подобно Ему станет.

Библиографический список

1. Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1972. С. 114-138.
2. Циолковский К. Э. Грезы о земле и небе: Научно-фантастические произведения. Тула: Приок. кн. изд-во, 1986. С. 307-314.

УДК 355.721(470.315)
ББК 58(2Ив)

К 80-летию начала Великой Отечественной войны

ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ И «ПОВЕРЖЕННЫЙ ВРАГ»: СПЕЦГОСПИТАЛЬ 3840

Иванов Ю. А.

В статье раскрываются особенности содержания немецких генералов в плену, работа спецгоспиталей и медицинское обслуживание военнопленных, отношение к ним медицинского персонала и местных жителей в послевоенный период 1945-1949 гг.

Ключевые слова: Вторая мировая война, военный плен, спецгоспиталь, генералы Вермахта, болезни, милосердие, провинциальная ментальность.